

Гений русской музыки

(К 140-летию со дня рождения М. И. Глинки)

Среди многих портретов композитора есть один, который невольно привлекает внимание: с открытым, выразительным лицом и глазами, полными энергии и вдумчивости. Это — Глинка. Таким его знаем по портретам его времени, таким он запечатлен в рисунках его друга — художника Степанова, таким его представлял, судя по портрету, и Репин. В этом подвижном, живом, беспокойном маленьком человеке с большим пытливым умом горел настоящий огонь того творчества, который чем больше мы изучаем, тем больше мы поражаемся глубиной его сокровищ.

Глинка родился в семье среднего помещика 140 лет назад в глухом углу Смоленщины, в далёком Ельнинском уезде. Ребёнок рос хилым, много болел и уже с детства приобрёл тот тщедушный вид, который был постоянным огорчением для его родителей, прочившим сыну военную карьеру. Музыкальные впечатления рано стали волновать ребёнка. Колокольный звон, его переливы — самые ранние музыкальные впечатления детства. Активность натуры Глинки сказалась уже тогда. Он пожелал немедленно подражать этому колокольному звону. Мальчугану были доставлены два медных таза, которые и были его первыми «музыкальными» инструментами. Вскоре он всеми силами души привязался к деревенскому оркестру, приезжавшему к родителям Глинки в Новоспасское. «Когда играли для танцев, — вспоминал Глинка, — я брал в руки скрипку или маленькую флейту и подпевался под оркестр. Отец часто гневался на меня, что я не танцую и оставляю гостей, но при первой возможности я снова возвращался к оркестру».

Детство мальчика благотворно сказало на его музыкальном раз-

витии. Деревенские песни и танцы, хороводы, вся та милая старина с её сказками, былями и небылицами представляли для ребёнка неведомый манящий мир. Они-то впервые зародили в мальчишке искру любви к народному творчеству, которому он остался верен на всю свою жизнь. Если лирика неотъемлемая сторона романтизма, а Глинка в русской музыке открывает её славные страницы, то не следует ли в этой деревенской тиши искать начало его блестящего будущего. Ещё в детстве Глинка ответил как-то на укоризны родителей за его страсть к музыке: «Что делать, музыка — душа моя». И действительно, музыка стала постоянным спутником его жизни. Он её не только не оставляет, обучаясь в Педагогическом институте в Петербурге, но, наоборот, тяготеет к ней всё более и более. Он находит себе лучших учителей, много занимается и совершенствуется в фортепианной игре настолько, что вскоре выступает в институте публично с исполнением считавшегося трудным для своего времени фортепианным концертом. Это была эпоха, когда любительство и дилетантизм в литературе, музыке и других искусствах были широко распространены и, надо сказать, сыграли большую роль в развитии наших национальных талантов. Дерзание и смелость были девизом каждого передового человека. Мы знаем, что порою с Пушкиным в эпиграммах удачно состязались рядовые члены литературных кружков. И за сочинения музыки не боялись братья совсем неведомые любители. Глинка тоже был одним из таких. Он впоследствии, когда стал известным композитором, ужасался, как он мог взяться за сочинение, не зная генерал-баса. Тем не менее, первые сочинения явились в 1822 году. Это

были вариации для фортепиано и вариации для арфы с фортепиано на темы Моцарта. К этому же времени относится и первый опыт сочинения для смычковых и духовых инструментов.

Когда говорят о каком-нибудь известном композиторе, всегда упоминается, что он учился у таких-то знаменитых учителей или в такой-то консерватории. Глинка же обязан развитием своего дарования и своего музыкального образования, главным образом, самому себе. Консерватории в то время у нас не было, и он ставил себе целью до всего доходить самому. Надо сказать, что неизвестно ещё в мире ни одного композитора, который бы справился с этой задачей так успешно, как Глинка. Решив взяться за сочинение ансамблей для струнных и духовых инструментов, Глинка упорно изучает свойства музыкальных инструментов и сам учится играть на них. Результатом этих занятий явились сочинения: септет для гобоя, двух скрипок, фагота, виолончели, контрабаса и валторны, адажио и рондо для оркестра, квартет и симфония. Это был очевидно период проб и творческих сил, стремления выяснить для самого себя свои возможности.

В это же время Глинка берётся за сочинение романсов.

В 1825—28 годы Глинка — уже известный в Петербурге автор романсов. Из целого ряда их наибольшей популярностью пользовались в то время: «Бедный певец», «Память сердца», «Не ищущий меня без нужды» и произведения, основанные на народном песенном мелосе, «Горько-горько мне, красной девице», «Что красотка молодая, что ты, светик, плачешь», «Дедушка, девицы раз мне говорили», «Ах ты ночь ли, ноченька», «Не осенний частый дождичек».

В 1834 году у Глинки впервые появляется мысль о создании русской национальной оперы. В одном из писем своему другу Глинка писал: «Признаться ли тебе, мне ка-

жется, что и я тоже мог бы дать на нашем театре сочинения больших размеров. Это не будет шедевр, я первый готов в том согласиться, но всё-таки это будет не так уже плохо». Так писал Глинка со свойственной ему скромностью. В то время он не знал, что опера его «Иван Сусанин» сама по себе будет представлять огромный вклад в оперную музыку всего мира и что она даст толчок к широчайшему развитию музыкального искусства. Начатая в 1834 году, опера быстро подвигалась. Сюжет для оперы предложил Жуковский, но Глинка понимал его по-своему. Основной идеей для Глинки в этой опере было стремление показать несокрушимость русского народа, и неслучайно Глинка в уста Сусанина в первом действии вкладывает фразу: «Отечество стонет от иноплемённых», а о хоре «В бурю, во грозу» делает пометку: «Хор этот должен выражать силу и беззаветную неустрашимость русского народа».

Уже первые спектакли оперы показали, какой явился выдающийся представитель русского национального творчества. Опера Глинки — совершенное воплощение идеи музыкальной драмы — обогатила оперное искусство особенностями русских национальных песен, их подголосными ритмическими свойствами, тематическим богатством. Она явилась и является до сих пор образцом необыкновенной выразительности оркестровых красок и искуснейшего проявления вокальных форм.

После премьеры своей оперы в 1836 году Глинка получает приглашение стать во главе художественного руководства капеллы, с успехом подвизаясь на этом поприще в течение трёх лет. Служба в капелле и разные неурядицы не останавливают творческого размаха, Глинка принимается за новую оперу «Руслан и Людмила» и открывает, по его выражению, «фабрику» русских романсов. В числе появившихся романсов в это время — такие шедевры как: «Ночной смотр»,

«Сомнение», «В крови горит огонь желания», «Ночной зефир» и многие другие.

В последующие годы появляются: «О, дева чудная моя», «Уснули голубые», «Стой, мой бурный, верный конь», «Попутная песня», «Я помню чудное мгновенье», вальс-фантазия и музыка к драме Кукольника «Князь Холмский».

Легшие в основу оперы «Руслан и Людмила» народное сказание, народная героика, народная сатира обусловили возрождение традиционных форм на иной основе. Глинка не ограничивается в «Руслане» русским фольклором. Однако русский национальный колорит является главным, определяющим национальное значение оперы.

Вторая опера Глинки по своим творческим богатствам может быть уподоблена тем неисчислимым сокровищам, при обилии которых трудно поставить что-либо в сравнение. Современниками Глинки опера не была оценена, и только немногим лучшим людям было ясно истинное её значение. К числу этих немногих принадлежал и Одоевский, который говорил своим современникам: «Верьте! На русской музыкальной почве вырос роскошный цветок. Он — ваша радость, ваша слава. Берегите его. Он цветок нежный, а цветёт один раз в столетие».

Последние годы своей жизни Глинка посвящает симфоническому творчеству и созданию нового цикла романсов. Из симфонических его пьес широко известность приобрели: «Ночь в Мадриде», «Арагонская хота» и «Комаринская». Всего Глинкой созданы две оперы, две испанские увертюры, фантазия «Комаринская», музыка к «Князю Холмскому», вальс-фантазия, ряд камерных инструментальных произведений, около 50 пьес для фортепиано, 85 романсов, 6 вокальных ансамблей и ряд концертных транскрипций. Всё это вошло в золотой фонд мировой музыкальной культуры.

Б. ЗАГУРСКИЙ